









Докладчик, обвиняемый в том, что 8 августа в. г. намеревался лишить жизни жену свою, нанес ей топором девять ран и, полагая, что она убитая, отправился к своим знакомым и заявил о совершенном преступлении, но, благодаря признанию вину, жена его была приведена в чувство, фельдшером и чрез несколько времени выздоровела. Последствием нанесенных ран остались шрамы на щеке и левой руке, вследствие перерубленных артерий пальцы потеряли способность свободного движения.

Подсудимый, признав себя виновным, добавил, что он не имеет желания лишить жизни свою жену, а только хотеть погубить ее за пьянство и за дурное поведение, а потому, будучи пьян, нанес ей в темной комнате несколько ударов ивильным у него топором.

Присяжные заседатели признали Л. барона не виновным.

**Пароходное просвещение.** В северной части Харьковского уезда в двух соседних местностях на слияющей речке открываются: в с. Удахе народная библиотека при местном земском училище, а в д. Колотках церковно-приходская школа при приходском храме. Нужда как в школах, так и в библиотеках здесь существует давно. В Колотках земская школа, устроенная несколько лет назад, перенесена учениками в церковно-приходскую школу явится на помощь их по удовлетворению нужды народного просвещения. Сельская библиотека, для которой приобщены уже книги, организована в Удахе при содействии местного земского начальника Н. Т. Павлова, принавшего самое горячее участие в осуществлении мысли о снабжении книг грамотных сельских, проследивших курс народной школы, которых насчитывается уже несколько поколений.

**Покорка хлеба крестьянами.** В южных сельских обществах Харьковской губернии происходит покорка хлеба крестьянами для засыпки хлебозапасных магазинов на деньги, составляющие продовольственный запасный капитал. Покупка хлеба по вышним ценам, сельские общества стремятся избежать от недовольства, числящихся за ними по хлебозапасным магазинам, погашая их из избытков случаев влод. Земские управы наблюдают при этом, чтобы качество покупаемого зерна удовлетворяло своему назначению. Погашение недоимок идет по ссудам из общественных капиталов, что посылает же погашиваний из имущественного капитала из губернских средств даны льготы Высочайшим манифестом, применение коих должно последовать в самом непродолжительном времени.

**Железнодорожная катастрофа.** 24-го ноября, в 5 часов 35 минут утра, товарный поезд № 33, отправленный из Курска, по ошибке стрелочника был пущен на передаточный тупик Киев-Воронежской дороги, и ударившись паровозом в упор, сломал его, причём паровоз сошел с рельс; всемирно развит. Обер-кондуктор Балабанов убег. Смазчик Назаров, тяжело раненный, вскоре умер. Главнейший путь Киев-Воронежской дороги загроможден.

**Торги на литейном торгаше.**

Третьего дня в Харьковском восточном правлении происходила торги на право продажи кирпича на диктов в район Харьковской волости. Так как общественная земля занимает большую территорию и разбросана по хуторам, то поэтому продавалось право на открытие торговых по отдельным участкам: Ивановка, Урал, Журавлевка и другие. Право это приобретено местными выигравшими: Барышниковым, Андроповым, Тарарыным и другими за вышнюю против прошлой цены.

**Краска со вкусом.** В ночь на 23-е ноября на Мочаловском переулке (в Мокшале), в доме Сушиной, происходило

по пути из деревни. Он писал в эту пору «Олимпиаду», и фраза, придуманная им, относилась к следующей строфе послышавшей сцене:

Огонь священный сохранили  
Они, жены, на алтаре,  
Приди, о дочь, ури, и скорпи  
Посылай я за тобой.

Пробуя эту фразу, он разразился истерическим рыданием и плакал больше часу. Не захотев и быть ничем. Выйдя из дому, он, неважно для себя, очутился перед колодезней св. Клары. С того дня он стал ходить туда каждый вечер, «всперив» воров в монастырские окна, в надежде увидеть огонек св. Клары; но он ничего не видел. Иногда он был какою нибудь мелодией из тех, которые наиболее нравились несчастной девушке, в надежде, что в отъезд на это грустное пение в окны понаблюдает сца на промелькнет тень; но ничего не являлось ему в отъезд. Его плечо не прощало связей жизнью рощетки монастыря, а скорбная монахиня лежала в это время в постели, кашляла, и задыхалась, как бы утомленная уснутой ходьбой в парств мертвых.

Наступил февраль 1736 года и Перголези должен был отправиться в Рим, за постановкой на сцену своей «Олимпии». Ни сцен, ни музыки не повинулись; и не могли он

взломать замка, и сей сарай неизвестно кем, сохранив кража разного посылного платья на сумму 40 рублей.

**Письмо из редакции.**

В № 4768 «Южного Края» появилась, под заглавием «Перебоя», заметка, сообщавшая, что в последнее время, особенно с переездом в Харьков профессора Харьковского жезл Дороги, мировые судьи города заявляли иском о возврате перебора, что в последнее время мирового судьи так и не было рассмотрено до 150, при чем в некоторых случаях ссуды по полному иском, и что поэтому управление казенных жезл-дорог предложило начальникам этих дорог, во избежание переплат процентов на переборы, ввести в казенные суды поручение, удалять последние немедленно, для внесения их в указанный законом судебный и правительственный учреждения.

Нижнегородскими цифрами безупречно (?) опровергают сведения, сообщенные в указанной заметке. Так, с 1 января по 20 ноября текущего года в Харьковском мировом судье было рассмотрено переборных жезл-дорог на сумму 15,321 р. 43 коп., из к-х: К.-Х.-Азовской жезл-дорог на сумму 6,898 р. 14 к. Всего 86 на сумму 22,219 р. 59 к.

Решения мирового судьи по этим делам приносят итти: с Харьков-Николаевской жезл-дорог—3,893 р. 29 к., с Курско-Харьково-Азовской—134 р. 28 к., всего 4,027 р. 57 к., и отсуждено им исками: с Харьков-Николаевской жезл-дорог—11,428 р. 16 к. и с Курско-Харьково-Азовской жезл-дорог—6,763 р. 86 к., всего—18,192 р. 02 к., следовательно, по полному казенному рассмотрению в полуму казенном разбирательстве 82% рассмотренных в том же году мировых судьях жезл-дорог.

Распоряжение управления казенных жезл-дорог, о котором говорится в заметке, имеет в виду не только случаи, когда жезл-дороги (по казенным) обременены 12% годового роста на присужденные им суммы (ст. 72 общ. уст. рос. жезл-дорог), а именно: уклонения от предельных платежей по казенным жезл-дорогам, листов, ради накопления процентов.

Примите и пр.

Поправления по судебным делам: Харьков-Николаевской дороги А. Гринюк.

Курско-Харьково-Азовской дороги И. Каюков и В. Юркин.

**От редакции.** Пожняя это письмо, исправленное заметку нашего репортера, нельзя не заметить, что оно не опровергает ее, а наоборот, как пишут в поправлении. Если судить по цифрам, сообщенным в заметке, то по письму подтверждается, а не опровергается 68% судебных, сообщенных в заметке.

**ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.**

**Спектакль,** состоявшийся в оперном театре третьего дня в пользу недостаточных студентов технологического института, ели не отличался большим сорбтом, то за то промелькнул рядом успехом. Даны были две оперы «Сельская честь» и «Палач».

Героем спектакля был Г. Оттовиани, по адресу которого весь вечер раздавались шумные и восторженные аплодисменты. Артист этот обнаружил в этом спектакле разнообразие, которое трудно было в нем предполагать. Партия Турилу и Каюко были проведены им с чрезвычайной страстностью и энергией, при большом разнообразии отысков в драматических положениях. Г. Оттовиани такт в себе, очевидно, не доминирующий сценический талант; героическая роль, правда, (му не под силу, но бытовая влод в его средствах). В спектакле св. Альфио и пропавших св. матерью («Деревенская честь») в сей сцене, завывающей из восторгом аристов («Палач») артист произвел глубочайшее впечатление, столько им внес в нее первичности, искреннего, глубокого чувства, слез и настоящего драматического пауса. Повторяем, Г. Оттовиани играл даже превосходно, отбрасываясь от своих обычных рутинных жестов и даже неграциозных поз. Нам кажется, что увлечение, которому поддался в данном случае артист, обыкновенно довольно равнодушный на сцене, лучший критерий для определения достояния назначенных опер, красоты и увлекательности музыки, жизненной правдивости сюжета. Надо иметь, конечно, такой исключительный ели голос, как у Г. Оттовиани, чтоб спеть с бескомпромиссной силой и полнотой, но надо обладать также и большим запасом нервозности, чтоб воспроизвести с должной выразительностью столько драматических моментов. В «Сельской чести» очень хороша была г-жа Лакруа, пьющая Сантуццу; ей много аплодировали, и у ней драматическая сторона партии вышла вполне удовлетворенной. Г-жа Шау очень мило сыграла маленькую партию Лолы, обнаружив свей симпатичное меццо-сопрано высокого звука. Г. Брыкин, пьющий Альфио и Тонио, справился с обеими партиями больше чьим успешно; пролог он повторил. Г. Круглов

равнялся, потому что слишком превышали уровень тогдашней публики. Это не огорчало его: что значило для Перголези утратить славу, когда он утратил ту, ради которой он впервые пожелал славы?

Однако, его меланхолия перешла в грусть. Теперь было бы невозможно найти в его произведении ту веселую и шутистую нотку, благодаря которой так аплодировали автору «Служанка-госпожа».

Вот в каком настроении духа находился Перголези по возвращении в Неаполь. Точнее по приезде его сюда, явился в нем один из Спиритов, с приглашением дирижировать мессу в церкви св. Клары за упокой души Марии Синигаллы, скончавшейся накануне, 11 марта. Последними словами вдовой монахини были: «Желаю, чтобы Перголези дирижировал мессу за упокой моей души». Что внушило ей эти слова? Последнее ли воспоминание о любви к ней же желание отомстить человеку, которого она считала равнодушным к ней?

Перголези сказал Синигалле, что за одну ночь ему невозможно написать целой мессы; он сказал, что будет исполнена месса маэстро Лео, «он», Перголези, «давит» от себя краткий «Requiem». С этой целью он пригласил некоторых из своих учеников, для переписки

свадьбы вместе с ним партию, проработав с ними всю ночь, не позволяя себе ни минуты отхода, и на утро партия «Requiem» была готова.

Не замечая усталости, он вымел для розысков профессором для оркестра; собрал их, промелькнул им новое произведение, а в полдень он был уже в церкви св. Клары, заняв место, назначавшееся для капеллемастера.

Пергов был битком набит; публика была взбешенная, зная роль и преждевременная смерть вдовой Марии; слава маэстро, управлявшего оркестром; превосходство самого оркестра, состоявшего из большого числа профессоров; распространявшийся слух о том, что будет исполнен новый «Requiem» Перголези, импровизированный им — все это содействовало степенно восторженным барам и восторженным неаполитанского общества в эту аристократическую церковь.

Где спуска, шепчет «затописец», в день 11-го марта 1736 года, погребальный звон колоколов св. Клары торжественно воззвал о похоронах. В этой церкви исполнялась заупокойная месса Марии Синигаллы, под руководством Иоанна Батиста Перголези.

Месса, как сказано, была написана маэстром Лео; ничто не извещало в произведении великого композитора, только в конце добавлен новый «Requiem» Перголези. И вот наступила минута этого «Requiem».

Начался он среди торжественной тишины и великого ожидания. Это была веселая музыка, музыка баянная, исполненная такой свежести, такого самодурного характера, такой грации, что изумленные слушатели переглянулись между собой в недоумении, не умев объяснить себе странности маэстро, угощающего публику звуками минуты, в заключение погребальной мелодии заушной мессе.

Но вдруг, совершенно неожиданно, хор басов произнес в четирах тактов: «Requiem aeternam, Requiem aeternam», и т. д. и при этом фратком знаменитая баянная музыка прерывается, сдается музыка тревожная, безраздольная, быстрая, мучающая, страшная fuga, в роду той, которую заключают сего слова «Гайда». Перголези бьет такт веселее, очень ускоренный темп кажется ему нескончаемым лаго; он, как рыцарь смерти, безумно вонзает шпору в бока своей лошади, которая мчит его без оглядки, без отсчета, в своем бешеном движении он ломает дирижерскую палочку; глазами, выступающими из орбит, он оглядывает персонал оркестра, как-бы негодую на него за то, что выбежал fuga он исполняет adagio; торжественно, руками, корпусом,

токсина, зарождающегося в крови большого вследствие появления дифтеритных бацилл. Для получения токсына, годного для всприскивания лошадям, дифтеритная бацилла культивируется в бульоне. Организмы бацилл обладают в значительной степени свойством вырабатывать противодифтерит, антидифтерит, которое служит потом для прививок людям, тоже путем всприскивания. Так как антидифтерит вырабатывается в крови лошадей, то у них, сделавшихся иммунными, берут кровь, через кровопускание, в количествах, не вредящих животному, и из нее готовят цыбленную сыворотку.

Культивирование бацилл для получения токсына, годного для введения в кровь лошадей, представляется едва ли не главной трудностью и требует едва ли не наибольших денежных средств при применении способа Бернгарта и Ру. Когда берут, пожелав, из дифтеритной пленки бацилл, эти зарывавы начинают—бацилла, то их, залив, разводят в томном слю бульона, налитого в плоские, закрытые колбочки, снабженные трубками, нужными для нагнетения в колбочку воздуха известной состава. Плосковидные колбочки должны находиться в температур 37 ми градусами, — при более, не менее: при вышней температур бациллы погибают, при низшей простоя навиваются их развитие в бульон колбочек. Помещение, в котором поддерживается такая температура, называется термостатом.

Теперь, представьте себе, сколько нужно иметь колбочек и как должен быть поместитель термостата, если взять во внимание, что для всприскивания каждой лошади необходимо получить из развитой токсыном слю в колбочках жидкости много токсына и что всприскивание нужно повторить каждой лошади, через известный промежуток времени, пять, шесть раз, чтобы сделать ее иммунной. По приблизительному расчету, для получения противодифтеритной сыворотки в таком количестве, чтобы его хватило для всего района, намеченного нашим медицинским Обществом, необходимо сделать полную прививку ста лошадей; по одному этому можно представить себе, как много нужно иметь колбочек, в которых развитие должно быть термостатом.

Количество цыбленной жидкости, необходимой для всего района, высчитывается по статистическим данным о заболевших дифтеритом, — данными довольно взырными.

Как слышно, Харьковское медицинское Общество-районный дифтеритной сыворотки противодифтеритной сывороткой (патент) область в слободных границах: губернии Харьковской, Полтавской, Черниговской, Курской, Екатеринославской, части губернии Воронежской, Таврической и части Северного Кавказа.

Район этот, по пространству, приращивается в пространстве Франции и хотя населения в нем меньше Франции, но дифтеритных заболеваний больше, нежели во Франции. А во Франции собранные суммы на приобретение нового способа лечения дифтерита считаются уже миллионами франков.

На переустройство до надеждных размеров миниатюрной Харьковской бактериологической станции, на приобретение лошадей и проч. по требованию не менее ста тысяч руб., за которыми медицинское Общество обратилось за заинтересованным в этом деле земством названного района. Для стольких земель затраты этой суммы не может быть сколько нибудь обременительной. Но в аналогичных случаях у нас обыкновенно поднимается вопрос: удобно ли земским деньгам давать в распоряжение постороннего учреждения? В печати уже указывалось, что медицинское Общество есть «частное» учреждение, которому земство едва

ли поручить значительную сумму. Однако, в практике Харьковской земства, уже есть крупный прецедент: Харьковское губернское земство много лет выдает ежегодно по 25-ти тысяч рублей частному учреждению «Обществу прирририя беспитомных сирот», исполняющему обязанности земства по прирририю подкидышей. В выдаче этой субсидии земство не раскидывается. Денежные обязательства губернских земств. В правлении Общества, получающего 25-ти тысячную субсидию, непременно членами состоят представители земства, и один член губернской управы, чьим достигается земский контроль над расходованием земских денег.

Что нибудь в этом роде можно вести и на бактериологической станции.

Очевидно, что преобразование бактериологической станции до предполагаемых размеров потребует значительных средств даже при условии, если земства поспешат с своими ассигновками. До тех же пор станция будет изготовлять противодифтеритное средство всего на двух лошадей, т. е. в количестве, которого не хватит и для одного Харькова. Но и это небольшое количество цыбленного средства станет получать не разве концы февралю, или началу марта будущего года, когда оперируемые в лошадях сдвигаются иммунными и тогда из их крови приготовлена будет противодифтеритная сыворотка.

Харьковец.

**ВЪСТИ СЪ ЮГА.**

**Полтава.** (Корреспонденция «Южного Края».) В нашу атачку города, отчаянно, горячо, как известно, почти полнотью отсутствием общественных интересов и крайней влодостью, неохотной для многих, врывалась струя свейского воздуха, пробуждая в порочном числе обывателей, даже и из особенно слонных в неподвижности, интерес к общественным пользам и нуждам. На этот раз роль благодатной струи выполнял вопрос об открытии в наш общественный библиотеки. Как давно было поднят этот вопрос, быть может возник он и раньше, но не встретились, где следились, сочувствия и поддержки, до времени откладывалась в сторону; занимали он когда-либо наше городское общественное самоуправление и как-то переживал фазы развития, — не знаю, но сознание необходимости общественной библиотеки настолько уже созрело, что представлялось возможным приступить к созданию этого учреждения. Честь такого перенесения идеи из сферы предположений в область осуществления всецело принадлежит небольшой сравнительно группой людей, не побоявшейся взять на себя нравственную ответственность за успех дела. Выработанный этими людьми устав библиотеки, утвержденный уже министром внутренних дел, определяет довольно широкую рамку для ее деятельности. Имья целью «дать возможность желающим пользоваться чтением книг, журналов и специальных изданий» (п. а § 1 устава), он ставит еще и другую цель: «собрать книги, рукописи и др. материалы, служащие для изучения края» (п. б того же §). Средства библиотеки будут состоять: а) членские взносы (членами считаются лица, ежегодно вносящие 5 руб. и вносящие одновременно 100 руб. на правах же членов в соображениях участвуют все годовые подписчики, за немними исключениями: сюда входят неосвобожденные, юнкера, нижние чины и влодотомые; другие; есть еще члены «почетные»); б) плата за чтение книг и журналов и в) сборы с публикующих чтевших, концертов, спектаклей и т. п. даваемых в пользу библиотеки. Уставом предусмотрено и возможность открытия при библиотеке вышнего маэзавна с целью увеличения средств. Плату за чтение, как видно из приведенного выше, определенно взимают (впрочем, в указе не говорится ничего по поводу взимания платы за

всей своей особой; сообщает всему оркестру свое бытие; ноты сдвигают одна за другою, громко, перепутываясь, погоняя одна другую, и когда оборвался последний звук — он выдвинулся из публики, на которую долго глядел, как карающий геней, который тарачит глаза на толпу, испуганную землетрясением. Затем, собрав, свои нотные тетради, взволнованный, разгорьившийся, с наплывом пота на лбу, он уходит, не набросив даже чего нибудь на свой легкий костюм. Выйдя домой и сжимая свой великий «Requiem», он становится еще грустнее и замкнутое. Он торопливо и озабоченно обходит все здания, где продавались гравюры и другие картины; он отыскивает между ними изображения Мадонны, сложившейся в мектах его. И вот, наконец, попалась ему одна, ивотворившая образом своей умершущей девушке, с надписью на ней: «O dulcis Virgo, o Maria». Каждое утро, проснувшись,

он вглядывался на эту Мадонну и говорил: «Радуясь, Мария», отирая слезы, струившиеся из глаз, и глубоко, глубоко вздыхал. Однако, он еще не впадал в то мрачное состояние духа, которое есть признак отчаяния; его меланхолия перешла в грусть; но грусть не мрачная, у нее свои ровные отклики. Он был еще опьянен скорбью; в его скорби была доля влти; он ждал слез, и плавал спокойно, с наслаждением, слезами были сладки и влжны, как слезы. При видѣ тѣх мѣст, гдѣ он так часто встрѣчал Марию и гдѣ она и теперь каждый разъ являла передъ нимъ, онъ переносился въ иной мѣръ, омыанный его. Но необходимо было удалиться; лихорадка усиливалась, силы ослабѣвали, какъ становился удушливѣмъ; докторъ предписалъ ему перемѣну климата и послалъ его въ Поццуоли (недалеко отъ Неаполя). Онъ ухаживалъ, проливая слезы, однимъ утѣшеніемъ его оставалось глядѣть на свою милую Мадонну. По прибытіи въ Поццуоли, онъ пріютился въ монастырѣ францискановъ.

Ему посоветовали перестать работать; но проработав несколько часов в восторженном созерцании пересвоей Мадонной, которую он называл своей небесной музой, он горячо принимался за работу, сыпая дописав «Stabat», чтобы не умереть,

не докончив начатой работы, за которую общество св. Фердинанда заплатило ему вперед 10 дукатов, т. е. 42 франка.

И такъ, въ Поццуоли сложились послѣдніе аккорды знаменитаго «Stabat»; тамъ законченъ послѣдній отрывокъ этой новмы, свазавшей послѣднюю фразу, въ которой выражалась эта простая, но великая печаль, эта скорбь безъ ласки, безъ утѣшенія, безъ влги; скорбь горькая, такая, какая могла зародиться только на краю могилы.

Quando corpus morietur  
Fac ut animae donetur.

(Когда умретъ мое тѣло, о, пусть дастся душѣ моей...) Дастся что? Не онъ написавъ «Paradis gloria. Amen»; онъ не могъ гдѣ въ обѣтѣхъ смерти. Онъ не рая просилъ, а того мѣста, гдѣ была любовь его. Если бы Мария была въ аду, онъ пожелалъ бы ада и въ аду нашелъ бы свой рай.

Перголези умеръ 26 лѣтъ, 16-го марта 1736 года, пять дней спустя послѣ дня смерти Марии Синигаллы, годъ и четыре дня послѣ того, какъ онъ дирижировалъ мессу за упокой вдовой любимой Марии.

Франція. Какъ известно изъ телеграммъ, на дняхъ были арестованы въ Парижѣ и отправлены въ тюрьму администраторъ «XIX Siècle» Жюль-Арманъ редакторъ «Raix» Трояръ и баронъ Эдлеръ. Жюль-Арманъ обвинялся въ соучастіи въ преступленіи Порталеса-Деклера. Объ его личности и деятельности газеты передаютъ слѣдующее: Жюль-Арманъ около 60 лѣтъ. Онъ очень хорошо извѣстенъ на биржѣ и въ парижскомъ свѣтѣ, такъ какъ велъ очень веселую жизнь. Нѣкогда онъ принадлежалъ къ университетскому миру и былъ учителемъ Порталеса. Съ тѣхъ поръ они связаны самой тѣсной дружбой, и Порталесъ ничего не предпринималъ безъ совѣта Жюль-Армана. О томъ, какъ велся на званіиными лицами «XIX Siècle», рассказываетъ одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала. По его словамъ, газета была очень хорошо. Но не смотря на то, что подписка, объявление и «посторонние доходы» приносили огромные деньги, касса редацїи была чрезвычайно пуста и Жюль-Арманъ былъ постоянно долженъ своимъ сотрудникамъ. Въ послѣднее время денежная дѣла Порталеса и Жюль-Армана сильно запутались: тогда они стали прибѣгать къ вымѣстамъ, которые превзошли всякую мѣру. Одна изъ такихъ шатяныхъ компаній Порталеса-Жюль-Армана подробно описана въ «Journal». Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Редакция «XIX Siècle» была должна своему поставщику Перейру крупную сумму за бумагу. Когда онъ сталъ настоячиво требовать уплаты денегъ, Жюль-Арманъ пригрозилъ начать въ своей газетѣ агитацію противъ трастатантской компаніи, директоромъ которой состоялъ Перейр. Угроза не подействовала, и «XIX Siècle» начала самую ошесточенную травлю противъ «Compagnie transatlantique». Акция названнаго Общества начала падать, и акціонеры потеряли до 16 миллионовъ франковъ. Редакция «XIX Siècle» уже торжествовала свою побѣду, и Порталесъ явился къ Перейру съ требованіемъ уплатить 200,000 франковъ, обѣщая за это прекратитъ нападки на трастатантскую компанію. Но эта послѣдняя отказалась вступить въ какіе бы то ни было сделки съ шатянистами. Тогда Порталесъ прибѣгнулъ къ новому шару. Онъ купилъ нѣсколько акцій «Compagnie transatlantique» и передалъ ихъ подставнымъ лицамъ, которыми указывалъ на статьи «XIX Siècle», началъ требовать ликвидациі Общества и назначенія надъ нимъ, судебной администраціи. Паника среди акціонеровъ еще усилилась, но затѣмъ дѣло раскрылось, и Порталесъ былъ привлеченъ къ суду.

Англія. Англійскія газеты говорятъ, что полкъ, полковникомъ котораго назначенъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, «Scots Greys», считается въ Англіи первымъ полкомъ. Германскій императоръ, полковникъ, стоитъ во главѣ англійскаго гвардейскаго полка, занимающаго своими мѣсто. Они отличаются своими головными уборами. «Scots Greys» носятъ блестящіе мундиры и великолѣпную каску.

Члены нашей аристократіи и другія влѣпательныя лица готовятся устроить торжественную встрѣчу принцу Уэльскому, возвращающемуся въ Англію. «Standard» заявляетъ, что страна должна быть глубоко благодарна принцу за его благородныя усилія, которыми онъ приложилъ въ дѣлу развитія и упроченія дружбы между двумя дворами и двумя націями, что, правда, было обогечено тѣмъ, что между Россіей и Англіей исторія не знаетъ той враждебности, которая существуетъ по отношенію къ другимъ націямъ.

онъ вглядывался на эту Мадонну и говорил: «Радуясь, Мария», отирая слезы, струившиеся из глаз, и глубоко, глубоко вздыхал. Однако, он еще не впадал в то мрачное состояние духа, которое есть признак отчаяния; его меланхолия перешла в грусть; но грусть не мрачная, у нее свои ровные отклики. Он был еще опьянен скорбью; в его скорби была доля влти; он ждал слез, и плавал спокойно, с наслаждением, слезами были сладки и влжны, как слезы. При видѣ тѣх мѣст, гдѣ он так часто встрѣчал Марию и гдѣ она и теперь каждый разъ являла передъ нимъ, онъ переносился въ иной мѣръ, омыанный его. Но необходимо было удалиться; лихорадка усиливалась, силы ослабѣвали, какъ становился удушливѣмъ; докторъ предписалъ ему перемѣну климата и послалъ его въ Поццуоли (недалеко отъ Неаполя). Онъ ухаживалъ, проливая слезы, однимъ утѣшеніемъ его оставалось глядѣть на свою милую Мадонну. По прибытіи въ Поццуоли, онъ пріютился въ монастырѣ францискановъ.

Ему посоветовали перестать работать; но проработав несколько часов в восторженном созерцании пересвоей Мадонной, которую он называл своей небесной музой, он горячо принимался за работу, сыпая дописав «Stabat», чтобы не умереть,

не докончив начатой работы, за которую общество св. Фердинанда заплатило ему вперед 10 дукатов, т. е. 42 франка.

И такъ, въ Поццуоли сложились послѣдніе аккорды знаменитаго «Stabat»; тамъ законченъ послѣдній отрывокъ этой новмы, свазавшей послѣднюю фразу, въ которой выражалась эта простая, но великая печаль, эта скорбь безъ ласки, безъ утѣшенія, безъ влги; скорбь горькая, такая, какая могла зародиться только на краю могилы.

Quando corpus morietur  
Fac ut animae donetur.

(Когда умретъ мое тѣло, о, пусть дастся душѣ моей...) Дастся что? Не онъ написавъ «Paradis gloria. Amen»; онъ не могъ гдѣ въ обѣтѣхъ смерти. Онъ не рая просилъ, а того мѣста, гдѣ была любовь его. Если бы Мария была въ аду, онъ пожелалъ бы ада и въ аду нашелъ бы свой рай.

Перголези умеръ 26 лѣтъ, 16-го марта 1736 года, пять дней спустя послѣ дня смерти Марии Синигаллы, годъ и четыре дня послѣ того, какъ онъ дирижировалъ мессу за упокой вдовой любимой Марии.

Франція. Какъ известно изъ телеграммъ, на дняхъ были арестованы въ Парижѣ и отправлены въ тюрьму администраторъ «XIX Siècle» Жюль-Арманъ редакторъ «Raix» Трояръ и баронъ Эдлеръ. Жюль-Арманъ обвинялся въ соучастіи въ преступленіи Порталеса-Деклера. Объ его личности и деятельности газеты передаютъ слѣдующее: Жюль-Арманъ около 60 лѣтъ. Онъ очень хорошо извѣстенъ на биржѣ и въ парижскомъ свѣтѣ, такъ какъ велъ очень веселую жизнь. Нѣкогда онъ принадлежалъ къ университетскому миру и былъ учителемъ Порталеса. Съ тѣхъ поръ они связаны самой тѣсной дружбой, и Порталесъ ничего не предпринималъ безъ совѣта Жюль-Армана. О томъ, какъ велся на званіиными лицами «XIX Siècle», рассказываетъ одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала. По его словамъ, газета была очень хорошо. Но не смотря на то, что подписка, объявление и «посторонние доходы» приносили огромные деньги, касса редацїи была чрезвычайно пуста и Жюль-Арманъ былъ постоянно долженъ своимъ сотрудникамъ. Въ послѣднее время денежная дѣла Порталеса и Жюль-Армана сильно запутались: тогда они стали прибѣгать къ вымѣстамъ, которые превзошли всякую мѣру. Одна изъ такихъ шатяныхъ компаній Порталеса-Жюль-Армана подробно описана въ «Journal». Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Редакция «XIX Siècle» была должна своему поставщику Перейру крупную сумму за бумагу. Когда онъ сталъ настоячиво требовать уплаты денегъ, Жюль-Арманъ пригрозилъ начать въ своей газетѣ агитацію противъ трастатантской компаніи, директоромъ которой состоялъ Перейр. Угроза не подействовала, и «XIX Siècle» начала самую ошесточенную травлю противъ «Compagnie transatlantique». Акция названнаго Общества начала падать, и акціонеры потеряли до 16 миллионовъ франковъ. Редакция «XIX Siècle» уже торжествовала свою побѣду, и Порталесъ явился къ Перейру съ требованіемъ уплатить 200,000 франковъ, обѣщая за это прекратитъ нападки на трастатантскую компанію. Но эта послѣдняя отказалась вступить въ какіе бы то ни было сделки съ шатянистами. Тогда Порталесъ прибѣгнулъ къ новому шару. Онъ купилъ нѣсколько акцій «Compagnie transatlantique» и передалъ ихъ подставнымъ лицамъ, которыми указывалъ на статьи «XIX Siècle», началъ требовать ликвидациі Общества и назначенія надъ нимъ, судебной администраціи. Паника среди акціонеровъ еще усилилась, но затѣмъ дѣло раскрылось, и Порталесъ былъ привлеченъ къ суду.

Англія. Англійскія газеты говорятъ, что полкъ, полковникомъ котораго назначенъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, «Scots Greys», считается въ Англіи первымъ полкомъ. Германскій императоръ, полковникъ, стоитъ во главѣ англійскаго гвардейскаго полка, занимающаго своими мѣсто. Они отличаются своими головными уборами. «Scots Greys» носятъ блестящіе мундиры и великолѣпную каску.

Члены нашей аристократіи и другія влѣпательныя лица готовятся устроить торжественную встрѣчу принцу Уэльскому, возвращающемуся въ Англію. «Standard» заявляетъ, что страна должна быть глубоко благодарна принцу за его благородныя усилія, которыми онъ приложилъ въ дѣлу развитія и упроченія дружбы между двумя дворами и двумя націями, что, правда, было обогечено тѣмъ, что между Россіей и Англіей исторія не знаетъ той враждебности, которая существуетъ по отношенію къ другимъ націямъ.

онъ вглядывался на эту Мадонну и говорил: «Радуясь, Мария», отирая слезы, струившиеся из глаз, и глубоко, глубоко вздыхал. Однако, он еще не впадал в то мрачное состояние духа, которое есть признак отчаяния; его меланхолия перешла в грусть; но грусть не мрачная, у нее свои ровные отклики. Он был еще опьянен скорбью; в его скорби была доля влти



